

ПРОБЛЕМЫ АРЕАЛОГИЧЕСКОЙ ТОПОНОМАСТИКИ

По встречаемости одинаковых топонимов на разных территориях, значительно отдаленных друг от друга, частотными являются гидронимы, нежели названия других географических объектов. В топонимике такие ареалы характеризуются как островные. Ср., например, гидронимы **Волго-Камья**, полностью совпадающие фонетически с речным названиями **Южной Сибири**: **Кама**, р. в Восточной Европе, лев. приток р. Волга – **Кама**, р. в Новосиб. обл., прав. приток р. Омь; **Ока**, р. в Восточной Европе, прав. приток р. Волга – **Ока**, р. впадающая в Братское вдхр. (Бурятия, Иркутск. обл.), **Селенга**, р., приток р. Кичменьга, впадающей в р. Юг (Восточная Европа) – **Селенга**, р., впадающая в оз. Байкал (Монголия, Бурятия).

Ср. также гидронимы **Восточной Европы** и **Западной Сибири**: **Кинер**, р. в Малмыжск. р-не Киров. обл., **Кинер (Кенэр)**, р. в Арск. р-не Татарстана – **Кинер**, р., лев. приток р. Кондомы (Кемеров. обл.); **Кукша**, рч., лев. приток р. Рутки (Марий Эл) – **Кукша**, рч., лев. приток р. Томи; **Она**, р., лев. приток р. Лаж (Марий Эл), **Она**, р., лев. приток р. Немды (Марий Эл) – **Она**, р., приток р. Уды – Селенги, **Она**, р., прав. приток р. Абакана. Река Бирюса, бассейн Ангары, в нижнем течении носит название **Она**. Ср. также **Она**, р., прав. приток р. Мезень (Восточная Европа); **Шора**, р., лев. приток р. Илеть (Марий Эл, Татарстан), **Шора**, р., прав. приток р. Юшут (Марий Эл) – **Большая Шора**, р., лев. приток р. Томи, **Малая Шора**, р., лев. приток р. Большой Шоры и др.

Ср. также гидронимы Карелии и речные названия средней полосы Восточной Европы: **Шуя**, р., впадающая в Онежское озеро; **Шуя**, р., впадающая в Белое море; **Шуя**, р., лев. приток р. Немды, впадающей слева в Волгу (Костром. обл.); **Шуя**, р., приток р. Сухоны (Вологод. обл.); **Шуя**, р. приток р. Тезы (Ивановск. обл.); **Шуя / Шуй**, р., прав. приток р. Большой Ошлы (Марий Эл).

Ср. также гидронимы **Ленинградской области** и **Республики Марий Эл**: р. **Ронга**, приток р. Оять (Ленингр. обл.) – **Ронга**, р., прав. приток р. Малый Кундыш (Марий Эл); **Руя**, р., прав. приток

р. Плюсса (Ленингр. обл.) – **Руя (Руй)**, рч., прав. приток р. Манага; **Руя (Руй)**, рч., прав. приток р. Орша (Марий Эл); **Саба**, р., лев. приток р. Луга, **Савинка**, р., прав. приток р. Оять (Ленингр. обл.) – **Саба**, рч., прав. приток р. Уржумки (Марий Эл); **Сумка**, р., прав. приток р. Вруда, впадающей в р. Луга (Ленингр. обл.) – **Сумка**, р., прав. приток р. Волга (Марий Эл).

Такие речные названия имеют определенное значение для изучения этнических движений в древности и процессов перемещения отдельных этногрупп в более позднее время.

Большой интерес в этом плане представляют этнологические сведения.

Так, В.В.Напольских в одной из работ, оперируя данными археологических исследований, отмечает, что середина II тыс. до н.э. - время "глобальных сломов культур" в лесной полосе Евразии, вызванный кроме других причин, интенсивными связями камско-волжского населения с зауральским и западносибирским, очевидно родственным, населением (мощные культурные импульсы с востока на запад, возможно, и передвижение племен из Западной Сибири в Европу), хотя процесс распространения уральских культур шел уже в первой половине II тыс. до н.э. и в более северной полосе Евразии. Одной из важнейших причин сдвига урало-западно-сибирского населения на запад, как полагает В.В.Напольских, является начавшееся в середине III тыс. до н.э. и особенно усилившееся во второй половине II тыс. до н.э. сокращение ареала темнохвойной тайги на севере Западной Сибири и начавшееся во второй половине II тыс. до н.э. наступление этой тайги в Восточной Европе. Племена Урала и Западной Сибири, стремясь сохранить традиционное экологическое окружение, смещались на запад и юго-запад [Напольских 1990: 54-55].

Вместе с тем следует заметить, что перемещение каких-то частей сибирского населения, в том числе и древнемарийских племен, в Восточную Европу исходило и из более южных районов Сибири, о чем свидетельствуют вышеприведенные гидронимические изоглоссы Волго-Камья и Южной Сибири.

Миграционные импульсы с Алтая эпизодически исходили, видимо, и позднее. Особый интерес в этом отношении представляет книга В.В.Радлова "Из Сибири: Страницы дневника" (Москва,

1989). Он пишет: "Под натиском своих южных соседей угро-самоедские племена, разумеется, задолго до рождества Христова, частью южнее Алтая переселились на запад, частью же были оттеснены в леса Сойонских гор и восточнее Алтая отошли на север. Часть из них, дубо (самоеды- оленеводы и предки тубинцев, койбалов, маторов и черневых татар - А.К.) осела в лесистых горах" [Радлов 1989: 440].

В этой связи имеет смысл привести пространный отрывок из высказываний А.Е.Богданович, не лишенный вероятия и субъективных домыслов: "Чуваши и черемисы, по-видимому, непосредственно (по Самаре и Волге) вышли с Южного Урала, куда они были вытеснены из Алтайского края, или же были ранними ватагами киммерийцев (до нашествия "кемов"), носители ямных погребений. Меря пришла позже, после нашествия скифов на юге, и притом разными путями Доно-Окским и Днепровским, и, видимо, заняла господствующее положение в крае (в Ростовско-Белозерском крае. - А.К.), дав имя большому народу с центром у озера Неро или Ростово" [Богданович 1966: 119].

Сами по себе предполагаемые концепции служат своего рода информацией для размышления над проблемами этнической истории народов финно-волжской языковой общности и импульсами для выявления вкраплений чужеродных этнокомпонентов, очагов и следов иммигрантов Волго-Камья. Не вступая в полемику с А.Е.Богданович, следует, однако, отметить, что вопросы этногенеза и этнической истории любого народа были и остаются чрезвычайно сложными. Их решение невозможно без глубокого и тщательного изучения археологических, антропологических, историко-этнографических и иных данных, без учета лингвистических сведений родственных и неродственных контактирующих языков и их диалектов. При этом нет оснований представлять этногенетические процессы как прямолинейные, игнорируя факты воздействия на них субстратных и суперстратных явлений.

Судьба прамарийского этноса на территории раннего этапа его истории была тесно связанной с историей, миграциями и инфильтрациями многих племенных объединений Алтайско-Саянского нагорья и Срединной Азии. Поэтому антропологически древние мари имели боьшое сходство с родственными им аборигенами Сиби-

ри. По этому поводу В.В.Бунак пишет следующее: "Одним из типов, вошедших в весьма древнее время в состав черемисского народа, был тот тип (уральский - А.К.), который до сих пор выступает в виде следов в ряду финских народностей и существует в достаточно чистом виде среди вогулов". "Из прочих типов, - подчеркивает он, - присутствие которых можно было бы подозревать среди черемис, на первом месте стоит, так называемый, тюркский, сильно брахицефальный, гипсицефальный, очень широколицый, коренастый, сильный тип, а также близкий к тюркскому в некоторых признаках, самоедский тип" [Бунак 1924: 160-161].

В пользу такого утверждения свидетельствуют и данные других антропологических изысканий. Так, Г.М.Давыдова, освещая результаты популяционно-генетических исследований манси с привлечением сравнительных данных по другим народам Восточной Европы и Азии, пишет, что в верхнесосьвинской группе манси высокая частота гена q (0,263); подобные частоты встречаются редко, в частности, у бурят (0,265), у архангельских ненцев (0,282), у марийцев (0,246). Далее, она уточняет, что сибирские народы довольно четко делятся на две группы по частоте гена q : у палеоазиатских и других народов Северной Сибири она низка, у южносибирских народов (или народов, связанных по происхождению с Южной Сибирью) она высокая, например, у якутов - 0,209, у алтайцев в целом - 0,202, у алтай-кижи, по данным Ю.Г.Рычкова - 0,245, по данным Г.М.Давыдовой - 0,277 (№ 241). Повышенная частота гена q , по ее мнению, наблюдается также у кетов - 0,183. Другая большая область расселения народов с высокой частотой гена q - Европейский Север России и Поволжье [Давыдова 1974: 100].

Как явствует анализ группы крови по системе MN, у сибирских народов частота гена m колеблется в очень широких пределах - от 0,260 у нганасан, до 0,721 у якутов. При этом выделяются два типа частот гена m : у одних народов - ненцев, нганасан - ген n преобладает над m , у других m преобладает над n либо резко, как у якутов, эвенков, либо незначительно, как у юкагиров, кетов, чукчей, эскимосов. Превышение частоты гена m над n характерно и для алтайских народов - у алтай-кижи частота гена m составляет 0,670 (№ 237), у теленгетов - 0,648 (№ 81).

Далее Г.М.Давыдова отмечает, что, к сожалению, почти полностью отсутствуют материалы по системе MN у народов Поволжья. Имеющиеся данные касаются марийцев, у которых $m > n$, коми Кольского полуострова и коми бассейна Сосьвы. В обеих группах коми обнаружено небольшое увеличение гена n , однако, тут нельзя исключить влияние ненцев, у которых частота гена n высокая [Давыдова 1989: 85-86].

Дополнительной иллюстрацией к этому положению служат результаты одонтологических обследований народов уральской расы. Так, по редукции гипоконуса на вторых верхних молярах - $hug(3+3) N^3$ - сближаются луговые мари (64,5), манси (67,7), селькупы (68,2) и саамы Финляндии (69,9). У горных мари этот признак равен 60,2. По бугорку Карабелли на первых верхних молярах - $сага(2-5) M^1$ - горные мари (35,5) сближаются с манси (35,2), а луговые мари (46,7) - с удмуртами центральными (45,5). По шестибугорковым формам первых нижних моляров - M_{16} луговые мари (5,5) сближаются с хантами (6,2), коми-пермяками (6,4) и селькупам (6,4). По дистальному гребню тригониды (dtc) весьма близко друг к другу стоят горные мари (13,8), луговые мари (18,2) и селькупы (16,1). Коленчатая складка метакониды (dw) у горных мари - 26,3; саамов Финляндии - 31,3; саамов Кольских - 32,7; луговых мари - 40,0; селькупов - 50,0. У остальных групп уральской популяции этот признак значительно ниже, ср., например, у удмуртов (14,8); манси (17,1); хантов (15,7) [Халдеева 1992: 35-36].

Все это свидетельствует о сложных этногенетических процессах народов уральской расы.

Что же касается древнейшей истории марийского народа, то она до сих пор остается малоизученной, проблематичной, а в большинстве случаев спорной и загадочной. Рассматривая формирование древнемарийских племенных групп, историки оперируют лишь материалами археологических раскопок, не учитывая при этом ономастические данные. У финно-угроведов, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки обобщения многообразного фактического материала по уральским языкам, все же остаются вне поля зрения не только палеоазиатско-финно-угорские взаимосвязи, но и марийско-самодийские лексические отношения. Достаточно упомянуть, что "методически наиболее выдержанный и в то

же время экономный путь сравнительно-генетического исследования заключается в последовательном ретроспективном продвижении от позднейших языковых состояний к более ранним (начальный этап обычно протекает на основе сравнительной реконструкции диалектов одного языка) и от сравнения близкородственных языков к сравнению более отдаленных" [Климов 1990: 33]. Такая последовательность содействует более полному и точному освещению вопросов как истории финно-угорских языков, так и первоначального места расселения марийских племен.

Как явствуют топонимические изоглоссы Восточной Европы и Южной Сибири, марийцы формировались на территории, находящейся между Алтайско-Саянским нагорьем и Западной Сибирью, имея тесные контакты с различными племенами охотников и рыболовов, оленеводов и скотоводов.

В пользу такого предположения свидетельствует прежде всего реликтовая гидролексема **Уньжа (Унчо)**, р., прав. пр. р. Шоры (Марий Эл), имеющая Западно-Сибирские двойники, ср., например, названия небольших рек на территории проживания селькупов: **Унжа**, р. лев. приток р. Каилка; **Квенал-унжа**, р., прав. пр. р. Пайдугина, **Пуныл-ундж**, р., лев. приток р. Чижапка, где модифицированный русским языком слово **унжа** восходит к селькупскому **унджь** 'ручей, речка' [Беккер 1970: 16-18].

Видный географ-топонимист М.Н.Мельхеев, объясняя историю, происхождение и смысловое значение географических названий Приенисейской Сибири, приходит к выводу, что селькупы по происхождению южно-самодийская народность, которая в первые века нашей эры из Саян ушла на северо-запад, в Западную Сибирь, и, вступая в контакт с кетоязычными, угроязычными народами, сблизилась с последними [Мельхеев 1986: 21].

Историко-культурные взаимоотношения мари и селькупов можно подкрепить конкретными примерами без претензий на исчерпанность и полноту охвата лексического материала, восходящего к достаточно глубокой древности марийского и селькупского языков. Причем масштаб сравниваемого материала из-за отсутствия письменных памятников и селькупских диалектизмов ограничивается словами литературных языков, имеющих схожий облик и равнозначную или близкую содержательную сторону. Например:

марийские слова

ильши 'жизнь'
сай ильши 'хорошая жизнь'
кушто ила? 'где живет'
коваште 'кожа'
кап 'тело'
кушеч(-ын) 'откуда'
кутко 'муравей'
корак 'ворона'
лу 'кость'
ме 'мы'
мӧ—гына 'домой'
мӧ—гына пӧртылаш
'возвращаться к себе домой'
пелне 'в стороне'
вел 'сторона'
шӱч 'копоть, сажа'
тыште 'здесь'

селькупские лексемы по словарю С.И.Ирикова (Л., 1988)

илы 'жизнь'
сома илы 'хорошая жизнь'
кун ила? 'где живет'
копы 'кожа'
кэпы 'тело'
куннены? 'откуда'
кыта 'муравей'
кэря 'ворон'
лэ 'кость, скелет'
ме 'мы (включая всех, двое)'
моқына 'домой; назад, обратно'
моқына пӧралиқа -
'возвращаться домой'
пеляк 'сторона'

сичи 'уголь'
тымты 'здесь'

Если анализировать марийский и селькупский языки в объеме всех их диалектов, то круг лексических соответствий можно значительно расширить. Однако уже самый беглый взгляд на вышеприведенные примеры не может исключить предположения об общем их происхождении.

Вступая в хозяйственно-культурные контакты с неродственными по языку территориально-племенными объединениями Южной Сибири и Срединной Азии, древние мари восприняли от них некоторые орудия домашних ремесел, отдельные элементы семейной обрядности, материалы украшений женской одежды, особенно зооморфные полые шумящие подвески и т.п. Видимо, в алтайский период были восприняты марийским языком некоторые монгольские слова, например: *a—ыра* 'глупый, тупой', ср. монг. *anjar* <

aŋqagu- ra 'глупый' [Räsänen 1969: 21]; *кияк* 'осока', ср. монг. *kijag* 'осока' [Räsänen 1969: 262]; *саус* 'дружка', 'шафер', 'распорядитель в свадебном обряде, приглашаемый женихом' - монг. *jauci 'посредник', 'сват', 'сваха', алт. тюрк. *d'ütši* 'сват', 'сваха', сиб. тат. *sautsi* 'сват', 'сваха' [Рона-Таш 1977: 230-233]; *чолпан* 'Венера (планета)' - монг. *čolban* 'Венера (планета)' [Räsänen 1969: 115]; *чоргат* (диал.) 'воронка', 'трубка' - монг. *čarga* 'труба, трубка' [Räsänen 1969: 116]; *чын* 'правда, истина' - монг. *čij* 'правда, истина' [Räsänen 1969: 108].

В мезолитическое и последующее неолитическое время население Алтайско-Саянского нагорья, как было сказано выше, подолгу на одном месте не задерживалось. На пути продвижения в Низменное таежное Заволжье, расположенное между Северными Увалами и Волгой к западу от Вятского Увала, древние мари имели, видимо, культурно-хозяйственные связи с ранними ираноязычными кочевниками Южного Урала, носителями савроматской и раннесарматской культур. Следы контактов с ираноязычными скотоводами в какой-то степени проявляются в различных областях материальной и духовной жизни мари, ср., например, марийские и скифо-сарматские слова:

марийские лексемы

кыне 'конопля'
меж 'шерсть (овцы, козы)'
онар 'богатырь, великан'

рывыж 'лиса'

шүдö 'сто'

скифо-сарматский языковой материал

кана 'конопля' [ОИЯ 1979: 292]
maiša 'овца', авест. *maēsa-* [ОИЯ 1979: 294]
nar 'мужчина', 'самец', ср. др.-иран. *a-nar-ya* 'не мужчина лишенный мужества' [ОИЯ 1979: 296]
raupāsa 'лиса', осет. *robas, rovas* [ОИЯ 1979: 300]
sata 'сто' → *sada* [ОИЯ 1979: 300]

Сравните также марийские лексемы со словами других иранских языков:

<i>куржаши</i> 'бежать, убежать'	кл. перс. <i>gurēz</i> , тадж. <i>gurēz</i> , совр. перс. <i>gorīz</i> - през. осн. гл. 'убегать' [[ОИЯ 1982: 63]
<i>лӯм</i> 'имя'	кл. перс. <i>nām</i> < ср.-перс. <i>nām</i> 'имя' < иран. * <i>nāma</i> 'имя' [[ОИЯ 1982: 101]
<i>лӯшташ</i> 'доить'	мундж. <i>lūš</i> - 'доить' [[ОИЯ 1982: 121]
<i>марий</i> 1) 'мари, мариец'; 2) 'муж, мужчина'	кл.-перс., тадж. <i>marđ</i> , совр. перс. <i>mārd</i> 'человек, мужчина' [[ОИЯ 1982: 62]
<i>почеш</i> 'позади, сзади, вслед, следом'	авест. <i>pasča</i> 'позади, после', др.-перс. <i>pasā</i> 'позади, после' [[ОИЯ 1982: 58]
<i>рож</i> 'дыра, отверстие, пробои- на'	совр. перс. <i>rōzān</i> 'щель, дыра, отверстие' < кл. перс. <i>rōzan</i> 'дымовое отверстие' < ср.-перс. (раннее) <i>rōčan</i> , (позднее) <i>rōzan</i> 'окно' [[ОИЯ 1982: 44, 47]
<i>том</i> 'семя (растений)', 'косточка (плодов), ядро (ореха)'	белудж. <i>tom</i> 'семя' [[ОИЯ 1982: 110]
<i>тушман</i> 'враг, неприятель'	кл. перс. <i>dušmanī</i> , тадж. <i>dušmani</i> , дар. <i>došmanī</i> 'вражда' < ср.-перс. <i>dušmanīh</i> 'вражда' [[ОИЯ 1982: 91]
<i>уш</i> 'ум', 'сознание'	кл. перс. <i>hōš</i> , дар. <i>hus</i> , тадж. <i>huš</i> 'разум, рассудок' < иран * <i>uš</i> - 'понимание, восприятие' [[ОИЯ 1982: 82]
<i>чурий</i> 'лицо, лик; облик'	совр. перс. <i>čehre</i> 'лицо' [[ОИЯ 1982: 81]
<i>шере</i> 'пресный'; 'сладкий'	кл. перс. <i>šīrīn</i> 'сладкий' [[ОИЯ 1982: 52]
<i>шӯр</i> 'молоко'	мундж. <i>xšīro/xšīrā</i> , йидга <i>xšīra</i> , др.-иран. * <i>xšīra</i> -, н-перс. <i>šīr</i> 'молоко' [ОИЯ 1982: 125]
<i>шӯдыр</i> 'звезда'	кл. перс. <i>sitāra</i> , совр. перс. <i>setāre</i> 'звезда' [[ОИЯ 1982: 59]

Концепции о проникновении ранних самодийцев на Среднюю Волгу и в Приуралье вряд ли противоречит тезис о позднейшей нивелирующей роли марийской экспансии в процессе смешения, главным образом, оседлых аборигенов Среднего Поволжья с пришлыми.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что становление топонимии Урало-Поволжья происходило в сложнейших переплетениях бурных исторических событий, охватывающих многие тысячелетия. Это обстоятельство, естественно, вызывает большие затруднения в объяснении происхождения географических названий. Остается заметить в этой связи, что семантическая реконструкция реликтовой гидролексема, сопровождаемая экстралингвистическими (археологическими, антропологическими, этнологическими, историческими) данными, учитывающая природно-географические особенности и культурно-исторический фон функционирования реконструируемой лексема, оперирующая соответствиями и параллелями родственных и неродственных контактирующих языков, значительно уменьшает число беспочвенных гипотез, тормозящих поступательное движение ономастической науки.

Сокращения

авест. - авестийский язык; *алт. тюрк.* - язык алтайских тюрков; *белудж.* - язык белуджей Туркмении; *дар.* - дари (афганский дари), *диал.* - диалектное слово; *др.-иран.* - древнеиранский язык; *др.-перс.* - древнеперсидский язык; *иран.* - иранские языки; *йидга* - относящийся к ареальной группе афганского языка, известной как памирские языки; *кл.перс.* - классический персидский язык; *монг.* - монгольский язык; *мундж.* - мунджанский язык; *н.-перс.* - новоперсидский язык; *осет.* - осетинский язык; *сиб. тат.* - язык сибирских татар; *совр. перс.* - современный персидский язык; *тадж.* - таджикский.

ЛИТЕРАТУРА

Беккер 1970 – Беккер Э. Г. О некоторых параллелях в гидронимии Европейского Севера и Западной Сибири. – Языки и топонимия Сибири. Вып. 2, Томск, 1970, с. 16-18.

Богданович 1966 – Богданович А. Е. Язык земли. Население Верхнего Поволжья, Оки и Камы. Этнолингвистический очерк по данным водоречной номенклатуры и другим материалам, Ярославль, 1966.

Бунак 1924 – Бунак В. В. Антропологический очерк черемис (с 18 табл. и мног. рис.). – Русский Антропологический Журнал, 13, вып. 3-4, М., 1924, с. 137-177. (Резюме на франц. яз., с. 174-177).

Давыдова 1974 – Давыдова Г. М. Популяционно-генетические исследования манси Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии, М., 1974, с. 96-107.

Давыдова 1989 – Давыдова Г.М. Антропология манси. М., 1989.

Ириков 1988 – Ириков С. И. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. Пособ. для уч-ся нач. шк., Л., 1988.

Климов 1990 – Климов Г. А. Основы лингвистической компаративистики, М., 1990.

Мельхеев 1986 – Мельхеев М. Н. Географические названия Приенисейской Сибири, Иркутск, 1986.

Напольских 1990 – Напольских В. В. Проблема формирования финноязычного населения Прибалтики (к рассмотрению дилеммы финноугорской предьстории) // Исследования по этногенезу и древней истории финноязычных народов. Материалы XVII Всесоюзной финно-угорск. конф. (Ижевск, 1987), Ижевск, 1990, с. 40-67.

ОИЯ 1979 – Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки, М., 1979.

ОИЯ 1982 – Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки, М., 1982.

Радлов 1989 – Радлов В. Из Сибири: Страницы дневника. Пер. с нем. К.Д.Цивиной и Б.Е.Чистовой. Примеч. и послесл. С.И.Вайнштейна. Топонимич. редакция, схемы маршрутов экспедиций и аннотир. указатель географич. названий Г.И.Донидзе. Указатель этнич. названий Е.П.Батьяновой, М., 1989, 749 с.: ил., карты. – (Этнограф. библ.).

Рона-Таш 1974 – Рона-Таш А. Об одном заимствованном среднемонгольском слове в марийском языке // Исследования по восточной филологии. К 70-летию проф. Г.Д.Санжеева, М., 1974, с. 230-234.

Халдеева 1992 – Халдеева Н. И. Уральская раса по данным одонтологии. Материалы к антропологии уральской расы, Уфа, 1992.

Räsänen 1969 – Räsänen, M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. (LSFU), XVII, 1. Helsinki, 1969.

// Новый топонимический журнал. № 2 (11). СПб.: ЗАО Информационно-издательское агентство "ЛИК", 2005. С. 15-16.

2. Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПбГУ, 2005. С. 488.

3. Герд А. С. Билингвизм и бикультура // Русский язык: история, диалекты, современность. СПбГУ, 2005. С. 83-90.

4. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Под ред. А. С. Герда. Т. 1. СПбГУ, 1994. С. 989.

5. Герд А. С. Топонимические экспедиции Петербургского университета // Ономастика. № 3. Екатеринбург: Издательство Екатеринбургского государственного университета, 2005. С. 7-10.

6. Николаев И. С., Азарова И. В., Герд А. С. Корпус данных в проекте "Комплексная модель формирования культурного ландшафта и историко-культурной зоны Ингерманландии на Северо-Западе России по данным топонимики" // Труды международной конференции "Корпусная лингвистика-2006. СПбГУ, 2006.

